

А. М. Кротов

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО СТЕРЕОТИПА ПОЛЯКА (ПЕРИОД НОВОГО ВРЕМЕНИ)

В статье показана ценность архивных документальных материалов как источниковой основы для изучения белорусского стереотипа поляка в период нового времени. Автор делает вывод, что в рамках историко-имагологического исследования эти материалы имеют второстепенное значение, т.к. приводят факты из истории польского присутствия в Беларуси, практически ничего не сообщая об эмоционально-психологической реакции белорусов на него, предопределившей характер данного стереотипа и направление его развития. Исследование белорусского стереотипа поляка, существовавшего в период нового времени, а точнее – его историческая реконструкция – является не таким простым делом, как это может показаться на первый взгляд. Поскольку в полном виде он не представлен ни в одном из источников, его приходится реконструировать из разрозненных элементов, имеющих в источниках разных типов и видов. Поскольку в основе деления исторических источников на типы лежит способ кодирования заключённой в них информации, большинство историков и источниковедов считает, что в иерархии источников самый высокий статус имеют письменные, разделяющиеся на две большие категории. К одной из них относятся нарративные источники, которые были созданы как связное повествование о прошлом или как рассказ о настоящем, предназначенный для современников или потомков. К другой – те письменные источники, которые создавались людьми в процессе их личной и общественной жизни для удовлетворения потребностей, возникающих в результате их экономической, политической, культурной и иной деятельности. Внутренним признаком, отличающим документальные источники от повествовательных, является преобладание в источнике отображения или воплощения действительности. Проще говоря, если источник больше рассказывает о прошлом, совершившимся до возникновения самого источника, или повествует о настоящем в виде связного рассказа – перед нами источник повествовательный; если автор источника не ставит своей целью дать связный рассказ о событиях, а просто фиксирует происходящее, то мы имеем дело с документальным источником. Любой национальный стереотип, в том числе и белорусский стереотип поляка, является не просто нетипичным, но и весьма специфическим предметом исследования для каждого историка, если он, конечно, не работает в междисциплинарной области, где интересы исторической науки пересекаются с интересами других общественных наук – социологии, политологии, психологии, культурологии, лингвистики. Белорусский стереотип поляка являет собой собирательный мыслеобраз, сформировавшийся в результате долгого сосуществования белорусов и поляков на одной территории со всеми вытекающими из этого возможностями взаимного изучения и оценки. И хотя в ходе этого сосуществования не возник белорусско-польский национальный конфликт, всё же у белорусов сформировалось негативное отношение к полякам. Не только потому, что белорусы были лишены возможности быть хозяевами в своей стране, и вынуждены были терпеть демонстрируемое поляками социально-политическое, экономическое и культурное превосходство, но ещё и потому, что позитивных национальных стереотипов (если это, конечно, не автостереотипы) не бывает в принципе. Поскольку психологической основой любого национального стереотипа является предубеждение, эмоциональное выходит в нём на передний план, оттесняя рациональное. Но как в источниках фиксируются эмоции? И в каких именно источниках они фиксируются прежде всего? 30 Для успешной работы исследователю-историку требуется не только кропотливость и непредвзятость в работе с историческими источниками, но и глубокие знания предмета исследования, широкий профессиональный и культурный кругозор. Тем не менее, очевидно, что ценную, эмоционально окрашенную информацию о прошлом

содержат, в первую очередь, памятники устного народного творчества. Однако чтобы стать источником и быть использованной историком, она должна быть материально зафиксирована. Стараниями этнографов второй половины XIX – начала XX в. собрано и опубликовано немало фольклорных материалов, которых содержат необходимые для реконструкции белорусского стереотипа поляка элементы. Эти материалы и являются тем фундаментом, на котором представляется возможным выстраивать какие-то умозаключения, касающиеся данного стереотипа. Все остальные письменные источники, к большому сожалению, дают лишь вспомогательную информацию, способную уточнить, дополнить, подвести фактологическую основу под то, что уже было «осмыслено» общественным мнением и зафиксировано в массовом сознании белорусов. Потому в фокусе внимания исследователя, работающего в рамках исторической имагологии, находятся не исторические факты, которые надо интерпретировать, а психологическая реакция на них. Такую оценку источников нелегко принять историкам, чьи научные изыскания укладываются в традиционное русло исторических исследований. Они, как правило, фетишизируют традиционные письменные источники и, прежде всего, архивные документы. Конечно же, выявляя в процессе своей работы в архивах ранее неизвестные источники, обнаруживая в них новые факты и вводя их в научный оборот, они делают очень важное и полезное дело. Однако в исторической имагологии исследование как раз и строится на том, что известно всем! На том, что ни для кого не является тайной! Историк, который специализируется в области имагологии и изучает, в частности, белорусский стереотип поляка в процессе его исторического развития в целом или на какомто определённом его этапе, должен исходить из того, что данный стереотип прочно закреплён на обыденном уровне массового сознания белорусов и встроен в их национальное мировосприятие. Даже сам по себе он играет важную роль в формировании настроений в белорусской этнической среде и эта роль возрастает в разы, когда данный стереотип берут на «вооружение» профессиональные идеологи и пропагандисты, которые с его помощью начинают сознательно и целенаправленно формировать общественное мнение, создавая образ врага. Таким образом, главная задача историка-имаголога, изучающего белорусский стереотип поляка, состоит не в том, чтобы представить данный стереотип во всех его деталях и подробностях, а показать, как данный стереотип влиял на историческую судьбу белорусского народа и Беларуси. Однако второе не отрицает первого! Даже наоборот – максимально полная реконструкция стереотипа является необходимым условием для выполнения этой главной задачи. Известно, что все исторические источники без исключения имеют в большей или меньшей степени выраженную фрагментарность, не позволяющую воссоздать полную картину прошлого. Для того чтобы избежать неправильной трактовки источников, необходимо проводить перекрёстный анализ различных их видов, не пренебрегая ни одним из них. Конечно, здесь могут и должны быть задействованы архивные документы. Однако данные этих источников могут лишь объяснять, дополнять, конкретизировать ту информацию, которую содержат другие виды источников. В первую очередь те, которые отражают психологическую реакцию белорусов на события и факты, происходившие в их жизни. Если мы говорим о белорусском стереотипе поляка – то это проблемы в белорусско-польских межнациональных отношениях, вину за возникновение которых белорусы возлагали на поляков. Известно, что практически все негативные реакции в межнациональных отношениях (аффекты, чувства, эмоции, настроения) возникают в состоянии конфликта, как известно и то, что именно он является эмоционально-психологической основой любого национального стереотипа. Сами по себе источники о возникновении белорусско-польского конфликта в период 31 нового времени ничего не говорят. Но как тогда появился негативный стереотип? И вот здесь следует отметить, что в реконструкции любого национального стереотипа – и белорусский стереотип поляка не является исключением – не обойтись без воображения, которое является ничем иным, как преднамеренным построением в сознании образа объекта, который не может восприниматься в целостном виде или восприниматься посредством органов чувств. Воображение является основой наглядно-образного мышления, позволяющего человеку ориентироваться в сложной для него

ситуации. Оно во многом помогает ему в тех случаях жизни, когда практические действия или невозможны, или затруднены, или просто нецелесообразны. В частности, в результате польской экспансии на восток, установлении поляками политического контроля над Беларусью, ренегатской позиции белорусского дворянства, ставшего на путь полонизации и бросившего свой народ на произвол судьбы, белорусы в своей собственной стране оказались людьми низшего сорта – «тутэйшымі». От этого берут своё начало их проблемы с этнической самоидентификацией и этническим самосознанием. С этим также связаны некоторые особенности национального характера белорусов. Они оказались неспособны к активным формам самостоятельного противодействия польскому преобладанию. Тем не менее, в условиях этнического неравноправия и дискриминации шёл стихийный процесс осознания своей этнической исключительности «от обратного» – не противопоставляя себя полякам, белорусы столкнулись с тем, что поляки стали противопоставлять себя белорусам. Это противопоставление породило ответную реакцию, принявшую форму критики польского «превосходства», польскости как таковой, и формированию негативного стереотипа поляка, ставшего своеобразной формой существования протестных антипольских настроений в белорусской этнической среде. Вряд ли поляки сами понимали, что происходит с белорусами, какую реакцию в их среде вызывает их присутствие и деятельность в Беларуси. И это необходимо принимать во внимание, работая с архивными документами, значительная часть которых была составлена поляками, либо теми, кто принял польскость. Конечно, любой исследователь ищет в источниках интересующую его информацию, ответ на какой-то определённый, интересующий его вопрос. Он интерпретирует тот смысл, который вкладывал или пытался вложить в письменный источник его автор. Однако очень часто оказывается, что из-за сознательной необъективности автора или его осторожности в попытках быть объективным (недомолвок, иносказаний и т.п.) разные исследователи могут увидеть разные смыслы – всё зависит от их исходных установок, индивидуальных предпочтений, а также гипотез, которыми они руководствуются. Но к такому предмету исследовательского интереса как белорусский стереотип поляка, это относится в наименьшей степени, ибо, как правило, интерпретировать нечего... Практика показывает, что поиск в архивах материалов, необходимых для реконструкции и изучения данного стереотипа, является чрезвычайно малопродуктивным. И прежде всего это касается документов, датируемых XVIII – первой половиной XIX в. Если исходить из того, что процесс стереотипизации начался с появления поляков на белорусских землях, то теоретически архивные документы какую-то информацию об этом должны содержать. Хотя очевидно, что эти документы ничего не расскажут о первых волнах миграции поляков на восток, ибо эти волны вообще не регистрируются источниками. Лишь косвенным образом данные древнерусских летописей, белорусско-литовских хроник, языкознания (ономастики, в частности) позволяют судить, что начало инфильтрации поляков в восточнославянскую вообще и протобелорусскую этническую среду в частности было положено уже в X–XI вв. Разумеется, приходится констатировать, что данный вывод является результатом чисто дедуктивных умозаключений. Но к началу нового времени ситуация меняется. Идёт процесс сближения Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Несмотря на существовавшие в ВКЛ законодательные препоны, поляки довольно успешно проводили колонизацию восточной части Подляшья, проникая оттуда и в соседние земли. После Люблинской унии 1569 г. 32 искусственные барьеры исчезают, и начинается широкая колонизация белорусских земель польскими мигрантами мазовецкого, в основном, происхождения. В Главном архиве древних актов (AGAD, Варшава), несмотря на ущерб, который понёс этот архив во время Второй мировой войны, сохранилось немало документов, повествующих о расселении поляков на белорусских землях. Прежде всего, это документы Варшавского архива Радзивиллов, охватывающие период от 1190 г. до XX в. Из них наибольший интерес по вопросу оседания поляков на белорусских землях представляют: – «Акты несвижской ординации», 1488 – 1859 гг. (Несвижская ординация – один из трёх майоратов, на которые поделил свои владения Николай Радзивилл Чёрный (1515–1565 гг.) [1]; – «Акты староств», 1536–1827 гг. [2]; – «Акты городской недвижимости Радзивиллов», 1520–

1876 гг. (в т. ч. акты юридик, дворцов и др. владений в Бресте, Гродно, Новогрудке, Минске) [3]; – «Акты, касающиеся слуг и ремесленников дома кн. Радзивиллов», 1586 – 1905 гг. [4]. Документы Варшавского архива Радзивиллов дополняют материалы Несвижского архива Радзивиллов, хранящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ, Минск) [5]. Вместе взятые они позволяют составить представление об этнической картине, складывавшейся во владениях князей Радзивиллов, о месте поляков в существовавшей там системе общественных отношений, их роли в хозяйственной жизни и т. п. На основе этих данных можно судить о специфике восприятия местным белорусским населением инфильтрованных в его среду поляков. Считается, что наиболее активно процесс стереотипотворчества идёт в кризисные моменты, когда в силу каких-то причин отношения между различными этническими группами обостряются. В Беларуси открытое противопоставление белорусов полякам началось в XIX в. и особенно отчётливо проявило себя дважды – в ходе польских освободительных восстаний 1830 – 1831 гг. и 1863 – 1864 гг. Российская пропаганда небезуспешно «вбивала клин» в белорусско-польские межнациональные отношения, да и сами поляки действовали довольно эгоистично, отталкивая местное белорусское население от своей борьбы и уступая опеку над ним своему противнику – российскому самодержавию. Складывавшуюся в белорусско-польских отношениях картину позволяют реконструировать документы фонда Временного военного губернатора Минской губернии и командующего войсками, в ней расположенными [6], а также фондов военно-уездных начальников 60-х годов XIX в. [7-13] и фондов следственных комиссий, учреждённых по делам о восстании 1863 – 1864 гг. [14-20]. Фонды военно-уездных начальников 60-х годов XIX в. представлены по губерниям: – Витебская губерния: Велижский и Суражский уезды, г. Витебск [7]; – Минская губерния: 2-й стан Минского уезда, м. Раков [8]; – Минская губерния: 3-й стан Минского уезда, м. Койданово [9]; – Минская губерния: Новогрудский уезд, г. Новогрудок [10]; – Минская губерния: Пинский уезд, г. Пинск [11]; – Минская губерния: Слуцкий уезд, г. Слуцк [12]; – Могилёвская губерния: г. Могилёв [13]. Аналогичную структуру имеют и фонды следственных комиссий, учреждённых по делам о восстании 1863 – 1864 гг.: – Витебская губерния: Витебская комиссия [14]; – Минская губерния: Минская комиссия [15]; – Минская губерния: Слуцкая комиссия [16]; – Могилёвская губерния: Могилёвская комиссия [17]; – Могилёвская губерния: Горецкая комиссия [18]; – Могилёвская губерния: Оршанская комиссия [19]; – Могилёвская губерния: Чериковская комиссия [20]; Интересные сведения о расселении поляков на белорусских землях содержит «Родовой фонд помещиков Еленских» [21]. К роду Еленских принадлежала известная деятельница 33 белорусской и польской культуры Эмма Еленская-Дмаховская (1864 – 1919 гг.), родившаяся в с. Комаровичи Мозырского уезда. В 1891 г., живя уже в Вильно, она опубликовала в польском журнале «Wisła» очерк «Село Комаровичи», в котором показала жизнь польских переселенцев, появившихся на Полесье после подавления восстания 1863 – 1864 гг. Миграцию в белорусское Полесье совершали участники этого восстания (в основном из Подляшья, и Виленщины), скрывавшиеся от преследований царских властей, безземельные крестьяне из Силезии, Прикарпатья, Мазовии, которых толкало к переселению отчаянное экономическое положение на их родине. Батраков в Польше вербовали в свои имения местные помещики, в большинстве являвшиеся поляками. В условиях обострившихся национальных противоречий с царизмом и социальных – с местным населением, они стремились создать себе опору из польского элемента. Эти переселенцы, известные под названием «хатэчковых», оседали в имениях польских помещиков, получив от них жильё, средства производства, подъёмные. Э. Еленская, рассказывая об одном из селений «хатэчковых» поляков, называемом Крыжык, повествует об их полной обособленности от полешуков, сохранении ими своего языка и вероисповедания, стремлении к просвещению [22]. В изложении Э. Еленской, каким бы познавательным и интересным оно ни было, нет ничего, что могло бы рассказать об отношении белорусов к полякам или о специфике восприятия таковых. Ясно одно – поляки не считали белорусов равней себе. Всё же остальное, напрямую связанное с белорусским стереотипом поляка, равно как и сам стереотип, приходится реконструировать на основе других типов

источников, используя разные методы, но, прежде всего, предложенный Г. Гачевым метод имагинативной дедукции (дедукции воображения и воображением) [23, с. 14-15]. Приведённый пример наглядно иллюстрирует и объясняет тот факт, что в иерархии источников, используемых в изучении белорусского стереотипа поляка, а точнее – в научной его реконструкции, архивные документы выполняют, к большому сожалению исследователей-имагологов, не самую важную роль. Список источников и литературы

1. Akta ordynacji nieświeskiej (1488 – 1859) // Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. – Archiwum Radziwiłłów. – Dział XV.
2. Akta starostw (1536 – 1827) // Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. – Archiwum Radziwiłłów. – Dział XVII.
3. Akta posiadłości miejskich Radziwiłłów (1520 – 1876) // Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. – Archiwum Radziwiłłów. – Dział XVIII.
4. Akta sług i rzemieślników Radziwiłłowskich (1586 – 1906) // Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. – Archiwum Radziwiłłów. Dział XXI.
5. Радзивиллы, князя (фамильный фонд) // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 694. – 25169 ед. хр.
6. Временный военный губернатор Минской губернии и командующий войсками, в ней расположенными, г. Минск // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 296, 204 д. (1813 – 1865 гг.).
7. Витебская губерния: Велижский и Суражский уезды, г. Витебск // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 2569, 17 д. (1863 – 1865 гг.).
8. Минская губерния: 2-й стан Минского уезда, м. Раков // // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1528, 3 д. (1863 – 1864 гг.).
9. Минская губерния: 3-й стан Минского уезда, м. Койданово // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1527, 8 д. (1861 – 1863 гг.);
10. Минская губерния: Новогрудский уезд, г. Новогрудок. // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1536, 1 д. (1862 г.); Ф. 1521, 11 д. (1863 – 1864 гг.).
11. Минская губерния: Пинский уезд, г. Пинск // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1521, 4 д. (1863 – 1864 гг.).
12. Минская губерния: Слуцкий уезд, г. Слуцк // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1525, 4 д. (1863 – 1864 гг.).
13. Могилёвская губерния: г. Могилёв // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 3256, 69 д. (1863 – 1865 гг.).
14. Витебская губерния: Витебская комиссия // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 3046, 7 д. (1863 – 1865 гг.).
15. Минская губерния: Минская комиссия // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1418, 16 д. (1863 – 1864 гг.).
16. Минская губерния: Слуцкая комиссия // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1524, 1 д. (1864 г.).
17. Могилёвская губерния: Могилёвская комиссия // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 3257, 65 д. (1863 – 1866 гг.).
18. Могилёвская губерния: Горецкая комиссия // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 3286, 6 д. (1863 – 1864 гг.).
19. Могилёвская губерния: Оршанская комиссия // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 3255, 17 д. (1863 – 1866 гг.).
20. Могилёвская губерния: Чериковская комиссия // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 3366, 7 д. (1863 г.).
21. Еленские, помещики (родовой фонд) // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1636. Оп. 1 (1610 – 1904 гг.).
22. Jeleńska, E., *Wieś Komarówicze w powiecie mozyrskim (odbitka z tomu V „Wisły”)* / E. Jeleńska. – Warszawa: Druk Józefa Jeżyńskiego, 1892. – 83 s.
23. Гачев, Г.Д. Наука и национальные культуры (гуманитарный комментарий к естествознанию) / Г.Д. Гачев. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1992. – 320 с.

Andrey Krotov. Archival sources on the problem of the formation of the Belarusian stereotype of the Pole (period of new time). The article deals with the value of archival documentary materials as a source for studying the Belarusian stereotype of the Pole in the period of new times. The author concludes that within the framework of historical-imagological research these materials are of secondary importance, since cite facts from the history of the Polish presence in Belarus, practically not reporting anything about the emotional and psychological reaction of the Belarusians on this presence, which predetermined the character of this stereotype and the direction of its development.